

Оскар Швабовски,
Университет Щецинского, Польша
Доминика Грунтковска,
Университет Щецинского, Польша

Дневник доцента: Вторжение неолиберальной зомби-реформы в польские университеты

Szwabowski, O., & Gruntkowska, D. (2021). Diary of an assistant professor: Invasion of neoliberal-zombie reform in Polish universities. *Policy Futures in Education*, 19(8), 968–991. <https://doi.org/10.1177/1478210321999466>

Перевод на русский язык – Роман Евстифеев

На перевод и публикацию получено любезное разрешение Оскара Швабовски.

Аннотация: В этой статье мы используем зомби как метафору для описания реформ в польской системе высшего образования и того, как работает неолиберализм. Согласно интерпретации воспроизводства зомби как критики позднего капитализма, мы хотим показать с помощью автоэтнографического метода, как меняется субъектность, отношения с другими людьми и миром в неолиберальном режиме. Как реформы пытаются преобразовать субъектность и воспитать нового ученого? Наше совместное автоэтнографическое исследование бросает вызов Университету (не)мертвых. Мы пишем вместе, чтобы показать опыт инсайдера (Оскара) и квази-аутсайдера (бывшей аспирантки Доминики). Мы пытаемся показать, как националистический авторитаризм возникает как часть неолиберального режима. Наша история - это запись из времени апокалипсиса - попытка спровоцировать. Давайте доверять историям.

Ключевые слова: Неолиберализм, высшее образование, зомби, политика

(Примечания автора пронумерованы цифрами в скобках и даны после текста)

Дарвинизм заражает все аспекты этого университета (Lockford, 2017a: 363).

Эти заметки я нашел в развалинах из одного из университетов, расположенных на полупериферии (1). Большинство страниц дневника были повреждены. Я подобрал их, когда мы расположились на самой окраине города. Вдалеке были слышны звуки, издаваемые зомби. Мы слышим их все время. Это их мир. После победы неолиберализма пришло время фашистских, антидемократических тенденций (Giroux, 2011, 2018). В мире, в котором выживают сильнейшие (Giroux, 2011, 2016), побеждают те, кто марширует вместе с мертвыми.

Эти заметки выглядят как дневник. Страницы сильно повреждены – на многих следы крови, рвоты и пятна неясного происхождения. Некоторые страницы отсутствуют, некоторые порваны. Листы покрыты нервным почерком, иногда с трудом можно разобрать только отдельные предложения. На последних страницах повествование становится всё более и более хаотичным и отрывочным. Автор, видимо, работал в университете – в некоторых местах он добавляет ссылки, как будто это кому-то нужно.

Я не знаю, выжил ли автор или гуляет с ордами нежити. Когда я прочитал дневник, я спросил себя: а был ли он вообще живым? Была ли в том мире надежда на создание чего-то другого? Был ли шанс для сохранения и развития жизни? А, может быть, этот шанс там еще есть (Lather, 2019)...

«Неолиберальный империализм будет заменен чем-то более страшным и разрушительным» (Apeldoorn and Graaff, 2012: 228).

Дневник(2)

Здравствуй, мой друг. Я не могу писать тебе письма. Поэтому я завел этот дневник. Надеюсь, когда-нибудь ты его прочтешь. И я буду еще жив. Мы выживаем, потому что нас научили – выживать и не плакать о жизни. Только иногда разбивая бокал. Было время, когда мы были молодыми парнями из бара. Мы очень хорошо знали текст. Помните: «Он один сделал мысль конкретной, пересекая первый радиоактивный пояс изоляции: внутренняя изоляция, интровертное разделение между собой и внешним миром» (Vaneigem, 2001: 40). Я не знаю, почему я цитирую это. Возможно, я упомянул этот текст потому, что сегодня изоляция от мира кажется единственным спасением. Это было и остается спасением, я думаю. Иллюзия спасения. Вы помните

- Тогда мы также бежали в университеты, потому что они были свободны от неолиберализма. Мы надеялись, что там мы найдем жизнь. А потом мы перестали цитировать и читать некоторых авторов.

Однажды ты написал мне: «Неолиберализм мертв. Почти. Копайте могилу!» - сказал ты (Harman, 2009).

«Все кончено. Сейчас 2008-й... Может быть, завтра. Но сейчас и здесь - неолиберальные зомби окружают мой дом. На моей кухне и в ванной. Я слышу их постоянно. Мой дом? Я не уверен, был ли это вообще мой дом. У меня был сон о доме. Знаете, левацкая мечта из 1968. Я бывало использовал критическую теорию, философскую критику для борьбы с неолиберализмом. Потом я познакомился с автоэтнографией (3), критическим качественным исследованием, которое преобразует общество в лучшее место (Denzin, 2009, 2017a, 2017b, 20192018.). У меня была мечта. Правда?»

Как вы знаете, я устроился на работу в университет в 2012 году, после первой неолиберальной польской реформы высшего образования (4). И вы знаете - это все было фальшивым. Эта реформа, этот университет. Я видел людей, которые не публиковались и делали карьеру. И я видел людей, которые публиковались - и теряли работу. Я видел, что университет - это место, где правят профессора (Kwiek, 2015, 2017). И это было феодальным княжеством, где рыночные принципы применялись только к избранным молодым ученым. Здесь не было жизни. Здесь были Зомби. В моей спальне. Зомби или, может быть, какие-то другие существа - сейчас я не уверен. Может быть, это были вампиры? Может быть сам университет был вампиром, превращающим нас в трупы? Стал ли я классическим зомби из старых фильмов (Murphy, 2011), мертвым работником, из которого высасывал жизнь капитализм (Neocleous, 2003, см. также о зомби как критике позднего капитализма Webb and Byrnanand, 2008; Peck, 2010; Mendoza, 2015; Castillo et al., 2016; Kuhling, 2017; Springer, 2018), и который все больше лишает себя мечты (Shaviro, 2002)? Я не уверен. Знаете, «мы все зомби в глазах другого» (Boyer, 2014: 1145). Я не уверен. Все расплывается, когда я говорю о прошлом. Я помню, что некоторые ученые были безжалостными, но в основном они просто слонялись без цели. Некоторые из них забывали приходить на занятия. Некоторые читали отрывки из учебника своими скучными голосами. Это были безобидные люди. Их глаза были грустными и тусклыми. Я просто ушел с этого пути. Это было легко пережить.

Но теперь наступает новая реформа - волна за волной, орда за ордой. Новый вид зомби: быстрее, голоднее и сильнее – более страшный. Все больше и больше зомби собираются во дворе вокруг дома и кишат в коридорах (см. Szwabowski, 2019).

Я не знаю, выживу ли я. Я не знаю, что делать, чтобы выжить. Кто-то спросил меня: «Как это происходит?».

«Для кого?» - ответил я. «И что происходит?»

Это конец мечты?

Я знаю, у нас были мечты, у тебя и у меня, разные мечты о том, что такое университет.

Устроившись на работу в университет, вы начинаете рассказывать одну и ту же старую историю об учреждении, где обитают люди, которых интересует только Истина - поэтому мы заслуживаем и нуждаемся в

привилегиях, особом отношении. Я был более левым. Я читал Маркузе и неонархистские журналы, издаваемые Дебором и его группой. Я рассматривал университет как участие в преобразовании общества к лучшему. Университет был местом, полным активистов, которые были заинтересованы в справедливости - вот почему мы заслуживаем и нуждаемся в привилегиях, в особом отношении.

Я был как во сне. Твое место, мое место – это было только в воображении.

В одной старой книге я прочитал: «Все университеты, достойные этого названия, всегда были центрами социального протеста» (Rorty, 1998: 82).

Слова из снов. Согласно этой цитате, наших университетов никогда не существовало. Не в нашей стране. Мы это знали.

«Значит, нам нужно их создать, - сказал ты однажды.

С 1989 года преподаватели и ученые не бастовали и не устраивали других организованных протестов (Sowa, 2015). Первый протест в университете после преобразований произошел в 2018 году. Университет поддержал неолиберальные реформы в стране. Один из интеллектуалов заявил по телевидению, что только неудачники, глупые и ленивые люди не могут принять новые правила. Это была свобода, сказали они. Это была свобода быть бездомным, бедным, безработным – свобода быть добычей для неолибералов.

Протесты 2018 года были незначительными. Лишь несколько человек пытались противостоять реформе в университете. Только несколько студентов и левых. И ничего. **Первое правило выживания в зомби-апокалипсисе - молчать.**

Я думаю, все это началось, когда мы потеряли надежду. Но есть ли у нас выбор? Может быть, я пишу этот дневник, чтобы доказать, что я не такой уж плохой человек. На самом деле я жертва. Мы все такие. Я просто хочу выжить.

Эта страна всегда была местом выживания: трудного, тяжелого, с несколькими работами, с долгами и без надежды (Szymaniak, 2018; Wos, 2017). Мы все стали зомби – то есть сведены к потреблению, работаем без души и живем без мечты. В то же время разъяренные зомби с ненавистью кричали на улицах. Левые были удалены из органов власти и с улицы. И вскоре эти бешеные зомби захватили СМИ, правительство и общественные институты.

Рассерженные зомби предупреждали и защищали нас от полчищ иностранных зомби, которые хотят уничтожить нас и нашу страну (ср. Krzyzanowska и Krzyzanowski, 2018).

В мире экзистенциальной безнадежности и социальной смерти партия (5) предстала в роли спасителя. И вот она начала бороться с вирусом неолиберализма. И вот мы узнали, что то, что делает нас зомби и мешает нам нормально жить, - это сексуальные меньшинства, иммигранты, мусульмане, феминистки, марксисты (Bobako, 2018; Cap, 2018; Grzebalska and Petro, 2018;

Karolczuk and Graff 2018; Mikulak, 2019; Puchała, 2020) - все эти зловредные вирусы, такие как права женщин, права ЛГБТ и все, что мешает спасительной силе национализма, традиции и католической церкви, должны быть уничтожены.

Во сне я видел полчища зомби, идущих за мной, потому что я создаю зомби.

Я вижу, что университет - это место, где правят профессора (Kwiek, 2017, 2015,). Они определяют то, что надо изучать. Именно к их голосу прислушиваются. Остальные присутствуют, чтобы слушать. Именно профессора обладают властью определять, решать, открывать двери и закрывать их. Они и есть политики.

Шепот в коридоре, спальне и на кухне. Шепоты:

«Это апокалипсис. Мы должны остановить реформу. То, что хорошо для них, не хорошо для нас (6). Мы не рабочие. Мы не зомби - мы аристократы (см. Szwabowski 2014, 2016). Посмотрите на мой сертификат. Имеет ли он значение? Или нет?».

«Сейчас важны публикации в высокорейтинговых журналах. Если вы работаете достаточно усердно, вам не о чем беспокоиться. Мы избавимся только от бездельников. И некоторых неудачников. Не стоит об этом беспокоиться», - сказал кто-то перед крахом. Я засомневался. Это напомнило мне неолиберальные заявления, которые я уже слышал о наемных работниках. А я тоже был таким, до того, как получил работу в университете. И теперь я думал, что я защищен. Неолиберальная идеология не могла причинить мне вреда. Я был чертовым профсоюзным активистом. Солидарность с бедными и так далее.

Да и был ли я таким?

Несколько друзей были очень счастливы. Новая реформа установит новые отношения. Больше никакого феодализма, никаких местных царьков.

«Мы убьем всех старых жирных профессоров, которые не говорят по-английски, которые мало пишут - и для нас найдется место. Мы захватим университет, брат».

Они танцевали в подвальном этаже.

Больше никаких страданий! Больше никаких издевательств. Мы выгоним их всех!

Я хотел сказать, что это неправильно. Но я вспомнил, как некоторые профессора обращались с молодыми исследователями. Да, убейте их всех!

Танцуя и крича вместе с ними, я чувствую, как ярость бежит по моим венам. Предвкушение удовольствия, предвкушение свежего мяса на зубах. Странная радость, когда уничтожают тех, кто не в состоянии с тобой конкурировать, кто слишком слаб, чтобы выжить. Как будто в этом есть удовлетворение. Только это не танец моей мечты. Даже если аристократы будут съедены.

У меня нет иммунитета. Я заражен. Внутри меня бушует ярость, дикий крик, желание разорвать в клочья всех этих жирных, самодовольных

профессоров, которым уже давно нечего делать. И с тех пор, как я устроился в университет, я постоянно работаю, выстреливая публикацию за публикацией. И поэтому они постоянно дают мне понять, что у меня нет права высказываться. И есть иерархия, которая не основана на работе. Я не понимаю, что такое настоящий университет.

Мне кажется, что те, кого лишили права высказаться, внесли свой вклад в распад академического сообщества. Но понимал ли я это как-нибудь иначе, чем как унижение?

Сообщество. Семья. Мы и есть семья. Мы защищаем себя и уничтожаем всех, кто не с нами. Я должен быть верным, если хочу выжить. **Второе правило выживания в зомби-апокалипсисе - быть верным своей группе.**

Я учусь этому. Не доверяйте незнакомцам. И вообще, не доверяйте никому. Сегодня, после того как это случилось, я даже не знаю, кто является, а кто не является зомби.

«Очередь дойдет до каждого» (Морган в «Ходячих мертвецах»).

Я опускаю голову и усердно работаю. Надеюсь, я выживу.

Мы работаем. «Смотря в глубину своей собственной задницы» (Zulczyk, 2019: 327).

Возможно, это из-за страха. Страх перед террористами, иммигрантами, гомосексуалистами и гендеристами. Страх потерять национальные ценности. Страх оказаться не в состоянии выплатить кредит. Страх остаться без жилья. Страх безработицы. Страх перед людьми. Страх перед жизнью. Я не знаю, почему мы не протестуем, почему не боремся за свои права. «Пожалуйста, не шумите, потому что кто-то еще может услышать?», - говорили мне мои друзья. «Зомби повсюду, ты же знаешь».

«Нам нужны видеорекамеры, вы знаете. Речь идет о безопасности».

Согласен. Мне тоже нужна. Я не террорист. Мне нечего скрывать. Я, конечно, не зомби.

Один из администраторов сказал: «Итак, нам нужен постоянный контроль. Мы записываем каждый ваш шаг и проверяем каждое ваше действие. Мы должны это делать. Если мы изменим нашу политику и подход к управлению, мы избежим смерти. Смерть нас не возьмет. Поверьте нам. Мы знаем, что делаем».

Регулирование. Контроль. Надзор. Негде спрятаться. Но почему я хочу спрятаться? Я чувствую злость. Я не доверяю им. Я думаю, что они несут нам смерть.

Администрация говорит: «Вы должны много публиковаться и много работать, так что ... пишите отчеты!». И вот я пишу о том, что я сделал в прошлом году. И я пишу, что я буду делать в следующем году. Я пишу разные версии для разных людей. Каждый раз мне надо менять форматирование. Четыре версии одного и того же документа. И мне все еще приходится заполнять цифровые базы.

Если вы хотите поехать на конференцию, вам нужно написать письма нескольким людям. Вы должны попросить у них разрешения. И, конечно, это не конец вашей бумажной работы. Это только начало.

Напоминание от администрации: Развивайте международные связи! Мы знаем, что после апокалипсиса трудно передвигаться по миру. Мы знаем, что нет средств на поездки. Но, возможно, у вас есть какие-то сбережения. Нам необходимо международное сотрудничество! Международные сети могут помочь нам выжить.

Смерть нас не отпустит. Здесь, где я нахожусь, безопасно. Там - нет. Никогда не выходите туда. Я вижу бывших студентов с глазами, полными разбитых мечтаний. Это привилегия - быть здесь, даже если они каждый день принимают таблетки, чтобы функционировать. Даже когда сон не приходит, когда тебя мучает одышка, потому что призрак внезапной, неожиданной смерти все еще присутствует, это привилегия - быть здесь. И все же мои глаза похожи на глаза бывших студентов, докторантов, которые бродят под стенами в надежде, что их впустят внутрь.

Я сижу в своей комнате. Я слышу, как мертвые скребутся и царапаются в дверь. Сегодня они беспокойны. Я просматриваю газеты. Я делаю вырезки и складываю их в коллажи. Я не чувствую ничего, кроме тошноты. Я слишком слаб, чтобы выжить. Газеты рисуют картины мрачного будущего. Не будет работы, не будет университета. Будут боль, страдания и политическое подчинение. В то же время газеты описывают нас как бездельников, дураков, мерзких паразитов (см. Dobroowicz, 2013). Они делали это и раньше. Мы были последним бастионом коммунизма.

Может быть, они правы. Кто я такой? Я публикуюсь в польском журнале. У меня не так много международных связей. Администрация говорит мне, что моя работа ничего не стоит. Что я ничего не стою. Согласно новой реформе, вся моя работа - это макулатура. Это пустой перевод деревьев на бумагу.

Я так устал. Я не могу спать. Я не могу ничего делать. Нежить слишком близко.

Я нашел тетрадь в подвале, в комнате аспирантов. Я прочитал и выписал некоторые части. Смотрите - страдаю не только я.

«Я здесь. Я одна из них. Они всегда были рядом. Я слушала их годами. Наивно я думала, что они достаточно далеко от меня. Я была уверена, что никогда не заражусь. Я думала, что это невозможно. Я была слишком сильной, слишком выносливой. «Я буду делать свою работу, и все будет хорошо», - думала я. О, как я была глупа.

Это всегда было моей проблемой. Я принимал факты за мечты и воображение. Я пыталась как-то существовать. Я жила в романтическом сне. Это не было красиво, так как это был польский романтизм, но это было захватывающе. Между тем, они были все ближе и ближе ко мне. Однако я была слепа. Я жила жизнью, полной разговоров и книг, и верила в

смысл наших исследований. Я верила, что мы сможем жить своей жизнью, несмотря на новые правила. Мы верили, что баллы и гранты пойдут нам на пользу, и что нам не нужно о них заботиться. Они будут свидетельствовать о нашей увлеченности. Я была уверена, что нам не нужно стремиться выжить. Когда придет время, все будет в наших руках. Мы были такими наивными. Впервые я почувствовала, что нахожусь в правильном месте.

Коллега из угла комнаты говорит, что мы должны остановить некрофильскую тенденцию (Fromm, 1973). Я смотрю на него.

«Профсоюзы», - говорит он.

Правильно. Профсоюзы. Я пожимаю плечами. Люди, сидящие с нами в комнате, говорят: «Это для неудачников».

«Они заботятся только о себе».

«Опаснее ли быть профсоюзным активистом? Посмотрите, что делает Король Смерти. Он их уволил. Для группы, которую поддерживают власти, профсоюзный активист – «лишний и ненужный» человек для этой среды» (W Solidarno, sci, 2019).

«Так что мы можем сделать?»

«Просто выжить».

Сплетни. Никто не знает, сколько зомби приближается к нам и когда их волна обрушится на нас. Я слышу постоянные дискуссии о том, что делать и какие стратегии принять. Все они кажутся бесполезными. Кто-то говорит, что мы обречены. Ночью несколько человек вышли из дома в поисках более безопасного убежища.

Я выживу. Я много работаю. И в глубине души я чувствую, что новый режим может меня спасти. Я могу много писать и публиковаться в уважаемых польских журналах. Я публиковался и в международных журналах. Я должен доказать свою состоятельность, я должен приспособиться. Я должен стать настоящим международным ученым. А не местным макулатурщиком, каким я был.

Я не знаю, что значит быть университетским человеком. Я не знаю, как играть самого себя. Я просто хочу выжить. Я хочу исчезнуть, спрятаться где-нибудь.

Коридор надежный и безопасный, так они говорят. Я прохожу мимо старушки. Она шепчет: «Будьте осторожны. Они не любят, когда кто-то слишком много публикует. Во время патрулирования с вами может произойти несчастный случай».

Я выписал еще из блокнота:

«Кошмар разочарования наступал неотступно. Наша университетская группа пережила потрясение. Наш профессор, мой научный руководитель, попала в больницу. Она была без сознания. Мы были в ужасе, но старались верить, что все будет хорошо. Реальность снова

отошла на второй план. Моя жизнь превратилась в ожидание, ожидание сообщений из больницы, ожидание того, что она очнется. Мне было плохо, слова застревали в горле. Я потеряла дар речи. Я никогда не верила в коучинг, поэтому не могла "мыслить позитивно". Однако я пыталась бороться. Я открыла бутылку вина и глотнула. Я начала писать - и всё стало текучим. Я изо всех сил старалась не утонуть. Уверена, все это выглядит знакомо, когда слова плывут, как поток алкоголя, ложатся, как линия... кокаина. Я знаю, и ты, мой читатель, ты тоже это знаешь, не так ли? Все мы знаем, академическое общество знает, но мы не любим об этом говорить.

В это время я была словно в трансе. Я так старалась написать кандидатскую диссертацию, что думала, профессор очнется. Мне хотелось, чтобы она была довольна мной. При этом я старалась не сломаться. Я была ошеломлен, но в то же время мое зрение было острым. Я поняла правду о своей семье, о своей матери. Она использовала мою боль, мои страдания против меня. Она была похожа на хищника, который нападает, почуяв запах крови. Она заменила все мои силы меланхолией и печалью. Я знала, что должна что-то с этим сделать, сбежать, спастись, но у меня не было сил. Я смотрела в бездну и читала романтическую литературу. Я говорила себе «потом», но понимала, что оправдания ей нет. Впрочем, я всегда могла найти какие-то оправдания. Это лишнее, но, может быть, это проще, чем посмотреть правде в глаза или отодвинуть завесу иллюзий? Это единственный путь, когда мы любим своего врага.

И профессор очнулась. Мне показалось, что я снова увидела солнце. Все казалось таким банальным. Я не могла контролировать свои эмоции, душевное равновесие и моя жизнь была похожа на жизнь других людей. А как насчет тебя, мой дорогой читатель? Вы тоже не хотите стать очередным случаем, подобным тем, что описаны в учебниках по психиатрии и психологии. Мы хотим быть уникальными, но если мы подхватим простуду, разве наша личность перестанет быть особенной?

Но за ней последовала тьма и обрушилась на меня. Она умерла неожиданно из-за чьей-то ошибки. Я погрузилась в траур. На похоронах я пряталась за темными солнечными очками. Моя семья научила меня скрывать эмоции, подавлять их, несмотря ни на что. Поэтому я всегда убегая, а когда мне плохо, я прячусь. Я пугаюсь, когда кто-то видит меня в плохом состоянии. Из-под очков потекли слезы. Слезы были серые и черные. Тушь для ресниц или макияж - это одна из наших масок. Так же, как одежда, которую мы носим, наша осанка и манера поведения. Мы вежливы, но не счастливы. Мы улыбаемся. Я не помню, когда я научилась улыбаться и смеяться по-настоящему. Возможно, это было в школе. Когда мне было шесть лет, моей двоюродной сестре понадобилась фотография счастливого

ребенка. Я не умела улыбаться. У меня получалась только странная гримаса».

Один из моих коллег сказал сегодня: «Это просто пиздец, чувак. Ты, я, мы - работаем, получаем эти гребаные баллы. И что? Во-первых, мы получаем пинок под зад от начальства и всех остальных. Даже уборщикам сегодня лучше. Реформа должна это изменить. Реформа даст нам право голоса». Я приношу им публикации, над которыми я работал за свои деньги, а они говорят, что они ужасны. Нам не нравятся одни и те же люди. Но я не уверен, что могу ему доверять. Я понял, что иногда зомби могут быть очень умными. Они часто надевают на лицо маску. А у кого здесь настоящее лицо?

Я обсуждаю реформу со своим другом. Мы находимся в подвале. «Ты «серый ученый» (7). Но ты не хочешь этого признать».

«Я просто хочу четких правил выживания», - отвечаю я. «Мне нужны правила, не зависящие от прихоти администраторов и начальства. Это чрезвычайное положение должно закончиться».

Он смотрит на меня и говорит: «Чрезвычайное положение только началось, и оно не закончится, пока вы не поверите в жизнь». Он кивает, моргает, а затем исчезает в воздухе.

Я один в темноте. Надо мной зомби. Вокруг меня. Глубокая тьма, полная нежити. Я прячусь под землей в гробнице. Воздух затхлый и пахнет трупами. Я ищу академических партизан. Где они? Я знаю, ходили слухи, что войска убили их всех, потому что они превратились в зомби. Но я в это не верю. Я некоторое время брожу по коридорам в поисках мятежных групп. Я слышу, как наверху кто-то дерется. Зомби ворвались в одну из комнат. Я прячусь в сырой темноте и жду.

Сейчас это очень опасно. Каждый может быть под подозрением. Каждый может оказаться зомби. Властвует страх, потому что ничто не выглядит знакомым. Я не знаю, что случилось с партизанами. Некоторые говорят, что они сошли с ума и убивают друг друга. Надеюсь, никто не знает о моих связях с ними. Я стараюсь вести себя тихо. Я осторожен. Я сплю с молотком под подушкой. Я не знаю, как у тебя дела, мой друг. Я пишу все это так, как будто мы больше никогда не увидимся.

Появился комиссар. Он был послан Королем Смерти, чтобы спасти нас от гибели.

«Я представитель Короля Смерти. Как и Король Смерти, я являюсь представителем министра. Все мы трое - представители власти. Единственной справедливой и спасительной власти». Он сказал: «Мы – спасители».

Он сказал, что они должны убрать этот беспорядок. Больше никакой демократии. Никакой больше свободы. Свобода и демократия приводят нас к зомби-апокалипсису. Некоторые ученые согласны с этим.

«Орда зомби не должна прорваться! Они заморят нас голодом!», - кричит один из помощников (см. Sahajdak, 2017).

Я видел людей, которые жалко улыбались. Некоторые из них будут голодать, а некоторые нет.

Во-первых, обладатели докторской степени. Те, кто был не слишком мил, слишком послушен и критиковал власть. Как в университете, так и в государстве. Тех, кто пропагандирует безбожный, тоталитарный марксизм, антипольский гендеризм или другие идеи, завезенные из-за границы с целью уничтожения польской традиции.

Я знаю, знаю, это не мой университет и никогда им не будет. Сегодня у нас в университете была рождественская вечеринка. Меня не пригласили. Никто из моих соседей по комнате не был приглашен. Власти и университет – не с нами. У меня такое чувство, что я здесь нелегально. Временно. Хотя я постоянно слышу, что реформы рассчитаны на молодежь. Только молодые выживут в апокалипсисе. Нам нужна молодежь, говорят они в микрофоны. Научные достижения имеют значение. И все равно решения принимаются людьми без достижений, стратегии выживания создаются людьми, которые не знают глобальных тенденций в науке. Аристократы танцуют на верхних этажах. Они смеются. Там нет молодых ученых. Там нет зомби. Там только зомби.

Я живу в комнате с другими молодыми исследователями. Я читаю тетрадь:

«Я до сих пор не помню, что я делала в течение нескольких недель после похорон. Я забыла эти дни навсегда. Возможно, эти дни спрятаны где-то глубоко в моем сознании. Моя кандидатская диссертация лежала без дела, забытая и бесполезная. Проходили дни, я очнулась от своего долгого, темного сна. В университете мне сказали: "Это ваш новый руководитель". Я едва знала его, но наше сотрудничество было успешным.

Мне не в чем было его обвинить, кроме того, что у него есть один (но огромный) недостаток - он был он, а не она.

В то время я не могла слышать их голоса. Вероятно, я также не почувствовала бы прикосновения их рук и укуса их зубов. Я сосредоточилась на написании кандидатской диссертации и на том, чтобы спросить своего научного руководителя, есть ли у меня шанс получить после этого место в университете. Может быть, я не чувствовала их, потому что был похож на них? Может быть, я не была похожа на них, но была так близко, и разница между мной и ими была очень мала, почти незаметна? Я чувствовала себя мертвым. Я была ходячим мертвецом. Моя жизнь продолжалась, наполненная писательством, дурью, приемом таблеток для поиска смысла жизни и разрывом семейных уз. Впервые в жизни я поняла, что всю свою жизнь я была перегружена грузом, который было слишком трудно поднять. Я навела порядок в своей жизни. Мотивацией для меня послужили слова, сказанные мне однажды профессором. Профессор Д.

сказала: "Вы - лучший студент, который у меня когда-либо был". Я представляла ее живой и не хотела ее разочаровывать.

Интересно, действительно ли все эти вещи являются частью моей академической жизни? Что скажешь ты, мой читатель? Не надоели ли вам мои воспоминания? Была ли моя личная жизнь частью моей академической жизни? Думаю, да. Моя личная жизнь не только повлияла на результаты моей работы над кандидатской диссертацией и другими работами. Она дала мне новое понимание литературы. Когда я читала стихи или романы о меланхолии, я пыталась понять, насколько близка эта тема автору. Был ли автор меланхоликом или он страдал из-за романтических условностей? Я пытался угадать и думал, прав ли я. Мы выражаем себя в наших книгах и статьях, и я верю в это. Мы прячемся, но мы присутствуем. Мы пишем и выражаем себя. Наш жизненный опыт влияет на все, что мы пишем или читаем. Мы являемся частью нашей интерпретации. В научном словаре есть живой автор, который фильтрует свои академические знания через себя. Более того, наша личная жизнь влияет на творческие возможности. Это так очевидно.

Тем временем я узнал, что потратила свои деньги на исследование. Я выиграла субсидию университета для аспирантов, но не имела шансов ее получить и потратить. Это произошло, когда я наконец вспомнила о законе о высшем образовании. В этом, конечно, был виноват сам закон. Это было одно из моих пробуждений. Я была так занята, так сосредоточена на своей научной работе, на своей меланхолии и проблемах в личной жизни, что действительно забыла об этом. Но это возвращалось снова и снова. В следующий раз я узнавала, что на университетские должности невозможно устроиться. Почему? Проблемы в университете, вызванные Новым законом о высшем образовании. Я чувствовал себя как в тупике. "Что мне делать со своей жизнью", - спрашивала я себя снова и снова.

Говорят, что университетская жизнь означает быть зомби. Они говорят... Повезло тем, кто туда попал. Они говорят так, словно получают удовольствие от того, как им тяжело, как много им приходится глотать таблеток и бороться за выживание. Они вздыхают, чувствуя, как жизнь выгорает внутри, испаряясь из них через все поры тела. Они выводят меня из себя. Я так хочу поступить в университет. В конце концов, повсюду одни зомби. Далекое от результатов своего труда, усталые и изможденные работники, мечтающие о том, что однажды они купят квартиру по ипотеке в построенном еще при коммунистах многоквартирном доме. Вот как выглядит польская мечта типичного представителя среднего класса: подержанный автомобиль, привезенный из Германии (обычно потому, что там он был металлоломом, а в нашем случае он довольно хороший, и сосед нам завидует), двухкомнатная квартира в многоквартирном доме,

построенном при прежнем режиме, когда эти дома строились на 30 лет, чтобы решить жилищную проблему. Тридцать лет прошло, а они все еще стоят, и никто не упоминает, что срок их годности давно истек. Они будут стоять там, пока не рухнут на хрен и не похоронят все это дерьмо в виде мебели из Икеи (как бы роскошь для нас), телевизора, купленного в рассрочку, как и стереосистемы. А жители этих многоквартирных домов могут быть счастливы, что их смерть была быстрой и безболезненной, и что им не нужно идти утром на работу.

Почему я мечтаю об университете? Потому что там везде дерьмо, но в университете, по крайней мере, есть хоть что-то... Зомби, которые слоняются на пороге самосознания. Немного, хоть и сиюминутной, радости, цветков в мусорном ведре. Зомби в университете знает, что это цветок, что у него есть хотя бы мгновение, чтобы проанализировать его, пережить и затем описать. У зомби вне университета такого комфорта нет. И зарплата в университете не самая плохая, учитывая (конечно) польские условия. Можно содержать себя и кошку, не обязательно используя самый дешевый наполнитель. Я знаю, что всю жизнь буду работать как сумасшедшая и ничего не добьюсь, так что мне нужны хотя бы какие-то моменты удовольствия.

Моя работа, моя жизнь - это одно и то же. Мой университет - это мой дом. Мой дом - это мой университет. И оба они не мои. Странные отношения, я думаю.

Все больше и больше враждебности. Все более и более чужой.

Вечером я встречаюсь с «серыми академиком». «Понимаете, - говорят они, - мы вам уже говорили. Мы работяги. Мы должны вкалывать, и нам нечего сказать. Мы должны избавиться от них. Мы должны получить власть. Мы слишком долго молчали». И куда нас привели эти местные профессора? Никуда. Они ждут пенсии. Они всегда выживают. А вы, я – нет».

«Они мертвы в своих гнилых парадных одеждах! Ты должен убить их всех. Всю нежить, которая лишает нас жизненных возможностей!»

«Бей их, режь, ломай и сжигай!» (Schaefer and Engler, 2014). «Они больше не могут править в университете».

«Мы не можем давать стариканам(8) никакого пространства и влияния. Они должны быть исключены!».

«Казнить!»

«Подумай, на чьей ты стороне. Тебе лучше быть с нами. Мы должны защищать друг друга.

Никто не заботится о нас».

Я разрываюсь. С одной стороны, они говорят об объективных и справедливых критериях. Они знают боль. Они знают, что системы ломали карьеры людей. С другой стороны, в их словах так много насилия, враждебности, преклонения перед силой и презрения к слабым.

«Подумайте об этом: четкие критерии, справедливость, Запад, новые идеи, прогресс, свежесть, сила мышц, здоровье и красота».

Сегодня я встретил Короля Смерти. Он сказал, что моя работа - дерьмо. «Я не дам ни цента за твое квази-исследование. Автоэтнография -... это шутка? Уйди с глаз моих, маленький урод». Королева Смерти улыбалась. «Тебе следует стать писателем», - засмеялась она.

«Но я приношу вам много баллов!».

Я попытался что-то сказать, но дверь захлопнулась. Я вернулся в комнату. Из-за стены послышалось бормотание зомби.

Здесь я не в безопасности. Даже с моими международными публикациями. И вы знаете, Король Смерти был здесь до нашествия зомби.

Возможно, «серые академики» были правы.

Я не могу спать. Мой друг тоже не может. Он плачет: «Я не думаю, что выживу. Они меня достанут. Я говорю тебе, парень».

«Кто они?» - спросил я.

«Ты знаешь, ты знаешь. Ты хорошо знаешь. Они уже правили здесь. И все эти чертовы зомби идут за нами», - почти кричал он.

Один из моих коллег шепнул мне: «У меня есть доступ к глобальным ресурсам. Ты знаешь, это незаконно. Но что делать? Без этого не выжить». Я знал. Мне понадобился один день, чтобы написать заявку на грант для исследования. «Вы хотите слишком много денег за книги. Я не думаю, что вы их читали, так откуда вы знаете, что в них говорится по теме? Возможно, такое исследование уже проводилось. Ваша заявка отклонена», - написал рецензент. И мой метод... Это метод? Позитивистский подход - лучшая методология.

«Эти реформы - истребление гуманистов», - сказал кто-то. «И уничтожение польского университета» (см. Chutoranski и Szwabowski, 2018; Kubinowski, 2010). Я разрываюсь. Мое автоэтнографическое желание сделать письмо своего рода опасным оружием против неолиберализма и создать контркультуру в академической среде, и мое желание быть серьезным исследователем, который создает свою репутацию с помощью публикаций. Вот дилемма: жизнь или выживание. Потому что жизнь похожа на смерть.

Король Смерти постоянно говорил через громкоговорители. До, во время и после апокалипсиса. «Нам нужны структуры, законы, которые будут гарантировать рост неравенства в науке! Только международные публикации с импакт-фактором имеют значение! Наука - это безжалостная конкуренция! Надзор – это спасение!».

Я спросил, сколько публикаций было у Короля Смерти. Люди смеялись надо мной. Король есть король. Сам Король Смерти сказал, что я должен встать на колени и закрыть свой поганый рот. Я должен открывать его, только когда он говорит со мной. Все еще на коленях.

Они здесь. «Они окружают нас каждый день. Вы видели их. Бездушные. Безэмоциональные. Лишенные выражения. Проклятые. Ходячие

мертвецы бродят по коридорам корпораций, с пустыми глазами, полными безжизненных снов» (Herrmann, 2014: 336).

Я вижу зомби. В зеркале. Я читаю в блокноте:

«Я защитила докторскую диссертацию. Я получила хорошие отзывы. Одновременно все было очень неопределенно. Я ждала информации о предполагаемой работе в университете. Для меня это было как «быть или не быть». Я не верила, что есть жизнь за пределами университета. Честно говоря, я и сейчас не верю. Но я была вне университета. Изменения в университете, новый порядок, новая организация коллектива после принятия нового закона о высшем образовании лишили меня шансов получить должность в том году.

Появилось беспокойство. Я пыталась найти себя в новой ситуации. Я надеялся получить должность в следующем году. «Мы будем на связи», - слышала я. А они были так близко ко мне. Я чувствовала их прикосновения, слышала их ужасные голоса и ощущала запах их дыхания, от которого мне становилось плохо. Мне хотелось блевать. Мне было плохо все время. Я не знаю, когда я упала в их объятия... Или, может быть, я сама бросилась в их объятия. Я не знаю, я с трудом могу вспомнить. Но разве это имеет какое-то значение?

Я была с ними, когда писала заявления о приеме на работу в университеты по всему миру, и в Польше. Я чувствовала отчаяние. Они обнимали меня, когда я разговаривала со своими друзьями о ситуации в «нашем» или, может быть, «их» университете. Они были со мной, когда я работала над заявкой на грант и когда мы работали вместе. Я распалась на части, так как они съедали мою душу. Я начинала думать только о грантах, баллах и должностях. Все мои усилия были направлены только на одно – устроиться на работу в университет.

В тот момент я устроилась на работу в школу. Я ненавидела общество учителей и чувствовала себя лишней. Они так отличались от меня и моих друзей из академии. Я боялась, что эта работа, это сообщество, как болото, затянет меня, и я навсегда останусь учителем. «Я не учитель», - думала я. Мне просто нужны были деньги и время для моей научной работы, поэтому быть учителем было единственным решением. О, я ненавидела учителей, когда училась в школе, и до сих пор ненавижу. Я чувствовала себя счастливой, освободившись от семьи, и с ужасом думала о своем будущем. Я чувствовал угрозу «быть учителем», остаться им навсегда. Быть учителем - это быть зомби. Я преподаю то, что входит в государственную учебную программу, я говорю голосом министра образования. Я опускаю только самые пропагандистские фрагменты. Я не

хочу учить детей тому, что они должны мечтать умереть за свою страну. Эта страна все равно убьет их, оставив в живых.

Я не могла ждать. Я ждала, иногда с надеждой, иногда нет. Я чувствовала себя счастливой и несчастной одновременно. Я разрывалась. Должность в университете была в моей голове в течение всего дня, и она возвращалась в моих снах.

И я почувствовала: «Я зомби. Я мертва по-настоящему. Я ходячий мертвец, когда иду на работу или на встречу с другом». Я даже помогала своему другу решать задачи, которые он сам придумал. Я была слаба, у меня не было сил для научной работы. Я начала откладывать свои научные планы. Время не приходило. Единственной моей страстью был сон. Реальность была такой утомительной и болезненной. Я буквально убежала в свои сны.

И... наконец, он пришел! Мой шанс, которого я ждала, о котором молилась, он был близок... Это была жизнь, я хотел жить! Но я больше.. не уверена, жива ли я.

Мои мечты... У меня их нет, нет больше снов

Я зомби - я прячусь между стенами. Я притворяюсь, что я жив. Может быть, я выживу.

Раньше министр Ярослав Говин грозил ликвидировать все научные журналы геев и лесбиянок (dziennik.pl, 2015). Он выступал в защиту гомофобных высказываний профессоров (onet.pl, 2019a). Сейчас, говорит Патрик Яки, «идет процесс враждебной социализации общества - бело-красный флаг сменяется «радужным», либертарианско-консервативное общество - левым. Мир общественных ценностей в основном формируется леволиберальными СМИ и левыми университетами» (цитируется по Wprost.pl, 2019). Полиция появилась на конференции, посвященной Марксу, а затем расследовала, не было ли там пропаганды терроризма и тоталитаризма (см. Kasia, 2018; Wolenski, 2018). В список научных издательств включаются католические издательства, выпускающие книги о «диктатуре гендерных исследований». Научных книг и журналов издается немного (см. Leszczynski, 2019a). «Почему деньги идут в университеты, которые являются «левыми», гендерно ориентированными, и где преподаватели часто выступают против Бога и своей родины?» (Тадеуш Рыззык, цитата по Radio Zet, 2018). Я слышал, что наши исследования должны «формироваться, исходя из государственных соображений» (Leszczynski, 2019b).

Войска на улицах. Войска в моем доме. «Мы защищаем и служим». Их глаза мертвы.

И я не чувствую себя в безопасности. На самом деле, их глаза, их кожа... Я не знаю, кого они защищают.

Я критически настроенный педагог. Я против государства. Я поддерживаю ЛГБТ. Я опасен для нового государственного строя. Я гребаный монстр.

Я зомби - я жертва. Я превратился в ничто. Я бесцельно хожу по коридорам.

Я бормочу: баллы, баллы, баллы.

Король Смерти подводит меня к окну. Он говорит: «Смотри. Там ад. Тебе повезло.

Вы можете остаться в живых».

В воздухе пахнет разлагающимися трупами. Сырой и гнилой воздух в комнате. Я чувствую себя плохо. Ненужным, никчемным, нежеланным. На моих руках их кровь. Потому что я чувствовал себя ужасно. Я должен был сделать это. Я вычистил всё в комнатах и заблокировала доступ.

«Мы все равно обречены», - говорит мой коллега. Он тоже весь в крови. Он задыхается. Он устал.

Наступает ночь.

Теперь мы видим, какой жестокий мир для работающих мы создали. Это не страна для работающих. Доброе утро. Доброе утро всем. Доброе утро, смерть.

Солдаты скандируют: да здравствует смерть!!! Академики скандируют: да здравствует смерть!!!

Те, кто выжил, скандируют: да здравствует смерть!!!

Я тоже заражен. Я хочу крови. Я хочу разрывать вещи на части. Кусать мясо! Убивать! Только сильнейший выживет.

Я смотрю в зеркало. Я зомби?

«Мы все заражены» (Дарабонт, 2012).

Если я хочу выжить, я должен стать одним из них. Теперь это их мир, их академия.

Новая реформа – это воспитание новых ученых. Только вот каких? Каков этот предмет мечтаний властей? Международный, но в то же время национальный, традиционный, отстаивающий католическую истину и поддерживающий авторитарный режим партии? Неолиберальные механизмы контроля над работой в то же время становятся механизмами политического контроля. В конечном счете, все решает экспертное, произвольное суждение. И только те, кто следует линии партии, могут рассчитывать на дополнительные пайки.

Теперь у меня есть немного времени до следующей лекции. Трупы лежат в аудитории. На полу застывает кровь. Мертвое слово в мертвом мире. Слова воспроизводятся с кассеты. Кассета внутри меня. Король Смерти вставил ее. Он сказал: «Если хочешь выжить, делай то, что я говорю».

Вместе мы становимся живыми мертвецами. Выживание - это не жизнь. Я вижу зомби в зеркале.

Мы сидим в комнате с несколькими другими людьми. Кто-то говорит. «Есть безопасный университет. Там есть нормальная жизнь. Мы просто должны туда попасть».

Сказки. Мифы. Романы. Как и истории о волшебных автоэтнографах, которые поддерживают жизнь с помощью слов. Они создают лучший мир для своего сообщества рассказчиков.

Я ищу автоэтнографический молоток (Denzin, 2018; Madison, 2010). Для чего? Что я хочу разбить? Я уже не знаю. Чью-то голову? Моя собственная голова? Мир? Зеркало?

Я пишу в темноте, в поисках света. Я пишу в попытке противостоять субъективизации в рамках новой национально-неолиберальной академии. Я пишу, пытаюсь найти других, установить контакт, пробудить надежду, дать возможность говорить тем, кто никогда не говорил в академической среде, и тем, кто теряет право говорить. Я пишу, чтобы установить связь, чтобы убедиться, что я все еще есть - что ...

Это не твоя мать. Это не твой отец. Это не ваша жена. Это не ваш друг. Это не ваш сын. Это не ваша дочь. Это не ваша бабушка. Это не ваш сосед. Это не твой любовник. Никогда больше. Ты один. Я один.

Я закрываю дверь. Я боюсь выходить на улицу. Там слишком много зомби. Они ждут, чтобы схватить меня. Они хотят разорвать меня на части. Я слышу их шаги в коридоре. Я слышу их постоянно. Я не один. Я хочу, чтобы они оставили меня в покое. Я хочу, чтобы они исчезли.

Король Смерти организует ежегодную гонку на выживание. У меня вывих лодыжки. Возможно, я не смогу закончить гонку. Смерть преследует меня. Она так близко. Слишком близко. Я толкаю свою подругу, она падает. Может, я успею. Я. Не она.

Я - зомби.

Я пытаюсь получить несколько баллов для Короля Смерти. Я возвращаюсь с пустыми руками. Я застрял в углу. За пределами его взгляда. Я вижу глаз внутри своего тела. Его глаза проникают в мои внутренности. Я давно не ел.

Правила игры постоянно меняются. Я не знаю, что делать, чтобы выжить. Вы узнаете об этом уже после. Моя попытка разглядеть не удалась. Точно так же, как вы не знаете, с кем стоит разговаривать, а с кем нет. Какие комнаты безопасны, а в каких лучше не оставаться.

Я не знаю, кто я. Я не знаю, кем я становлюсь. Я хотел быть ученым, университетским работником. Теперь я не уверен, что это значит. А был ли я когда-нибудь уверен? Наша субъективность так хрупка. Мы так зависимы от тех, кто имеет власть определять и распределять средства.

Я уже умер? Я уже достаточно мертв?

У меня была мечта. Теперь у меня нет мечты. Только кошмары, полные крови, разорванной плоти, националистических криков.

День или ночь? Я не уверен, что это день или ночь. Властвует темнота. Разговоры в комнате. Мы жуем сухой хлеб.

«Что значит быть зомби? Я зомби? Зомби ли они?»

«Я думаю, что есть много типов зомби: зомби, как мы - научные работники без мечты. Зомби, подобные тем, что живут снаружи - яростные, голодные и просто жаждущие мяса. Но и среди них, и среди нас я вижу спящих зомби, бесцельно бродящих, лишенных своих основных желаний. И там, снаружи, зомби все еще царствуют и наполняют наши страдания».

«Они не просто наши Хозяева?»

«Я думаю, что они ближе к вампирам (см. Godfrey et al., 2004; McNally, 2011; Riach and Kelly, 2015; см. также Shaviro, 2002). Следовательно, им все еще нужна свежая кровь».

«Нужна ли она им?»

«Разве вы не слышали, что им нужны молодые люди?»

«Но... у нас нет места для них. Особенно после изменений, знаете, вся эта защита, и мы потеряли места..., и ресурсов тоже не хватает!»

«Они от кого-то избавятся».

Мы молчим. Мы смотрим друг на друга с неуверенностью.

Военные забрали меня на допрос. Пустая комната. Темно. «О чем вы читаете лекции?»

«Философия».

«Национальная».

«И этика».

«Национальная».

«Национальное...»

«Что?»

«Превосходство».

Голоса из стен.

Он шепчет в правительственное ухо:

«Формирование патриотических взглядов должно быть задачей государственных университетов. Это можно сказать четко и прямо. Принцип для польских ученых должен быть таким: Я - польский ученый, поэтому у меня есть обязанности. Вы должны сделать все, чтобы государственные университеты встали на патриотический путь" (Łon, 2019).

И еще один голос, более сильный. Я слышу топот военных ботинок по полу.

«Школы и колледжи очень важны. Там правит левизна, мода на все антипольское... Нужно учитывать, что работа сатаны реальна. Нам нужны молитвы и экзорцизм" (цитата Тадеуша Рыдзыка в onet.pl, 2019b).

Конечно.

Да. Да.

Превосходство.

Национальное.

Есть также либеральный, либертарианский голос, то есть это голос рынка. Превосходство! Публикуйтесь в высокорейтинговых журналах!

Никаких польских публикаций. Польский язык для неудачников.

Выживание только для немногих. В нашей стране слишком много университетов. Слишком много ученых.

Слишком много всего. Да. Да.

Надзор - это спасение! Да. Да.

Превосходство.

Я ем рис, запивая его водой. Помните: Конкуренция!

И оба голоса говорят, что демократия – это проблема. Препятствие для развития. Источник инфекции.

Только международные издания для защиты наших национальных ценностей и передачи нашего партийного видения мира.

Беги!

Бежать некуда.

Страх падения. Как только вы споткнетесь, это будет для вас концом. Вы затормозите, и вам придет конец. Это то, что говорят через громкоговорители. Это только притягивает смерть. Она усиливается в нас и вокруг нас.

Я слышу крики. Чье-то тело разорвано на части, но мне не страшно. Я счастлив.

Одним меньше.

На самом деле, у нас есть только одна банка фасоли. Конкуренция очень жесткая. Я нахожу ореховый батончик. Я иду в пустую комнату и быстро съедаю его.

Через грязное окно я вижу, как надвигается толпа. Крики и копошащиеся тела.

Это волна, которая унесет нас. Я улыбаюсь и жду.

Послесловие.

Становится холодно. Ребенок подходит к огню. Он истощен. Он дрожит. Я бросаю листы в огонь. Мы собираемся идти дальше. Отправляйся в путь, детка. Оставаться на одном месте опасно. Мы постоянно двигаемся, как зомби. Ты не сможешь распознать нас издалека. Только мы все еще надеемся найти убежище. Мы все еще боремся с вирусом, циркулирующим в наших венах. И мы все еще рассказываем историю - о жизни, о мире, который может наступить.

Голоса издалека, какой-то шум:

Автоэтнография помогает нам не только исцелить себя, она помогает нам исцелить друг друга (Herrmann, 2014: 334).

Я пишу, чтобы я, вы и мы могли БЫТЬ.

Я пишу, чтобы тьма не смогла победить (Poulos, 2017: 38).

Примечания:

1. Польша стала страной, где были опробованы самые крайние неолиберальные идеи (Dunn, 2004). Реструктуризация оказала негативное влияние на общество (Hardy, 2009). Университет в Польше некоторое время был безопасным местом. Теперь он трансформируется из реального социализма в крайнюю неолиберальную модель (Szwabowski, 2016, 2018, 2019). Категория полупериферии заимствована у Валлерстайна (1974). Полупериферийность касается не только экономических и политических, но и культурных зависимостей. Как полупериферийная страна, Польша находится в роли потребителей или комментаторов знаний, производимых в странах ядра. Это полупериферийное положение важно с точки зрения реформы университетов в Польше. Во-первых, оно ставит перед учеными проблемы, которые не возникают в странах ядра; во-вторых, с так называемой интернационализацией местные сети для производства и распространения знаний разрушаются (см. Abriszewski et al., 2016; Chutoranski and Szwabowski, 2018; Connell, 2017; Medina, 2014; Warren et al., 2020).

2. Эта статья была написана до вспышки коронавируса. Изменения, вызванные в академической среде, выходят за рамки этого текста и требуют дальнейшего исследования. Коронавирус не положил конец неолиберализму в нашем обществе. Произошло усиление неолиберальной тенденции и укрепление авторитарного характера этой идеологии (см. Szwabowski и Wicsaw, 2020).

3. Я практикую автоэтнографию по нескольким причинам. Во-первых, это метод, который стремится к преобразованию мира и субъектов. Во-вторых, это не отчужденная практика (Bochner, 2017). Благодаря ей мое письмо не является чем-то отдельным от меня. Такое письмо привносит жизнь, телесный опыт, в стерильный академический мир (Inckle, 2010). В-третьих, оно дает доступ к "данным", которые недоступны другим методам (Boyle and Parry, 2007). В-четвертых, такое письмо защищает субъекта и сообщество (Poulos, 2017) и является средством связи с другими людьми и миром (Lockford, 2017b). Письмо опасно изменяет наше восприятие мира и формирует то, кем мы становимся (Yoo, 2019:360). Автоэтнография стремится изменить не только мир и институты (Smith, 2013; Sambrook and Herrmann, 2018), но и трансформировать субъекта и отношения между субъектами, и позволяет воспринимать циркуляцию социального, политического и экономического в субъективном (Ellis, 2004). Поскольку «политика - это не просто производство и защита экономических формаций, это также производство индивидов, желаний, идентификаций, ценностей и

способов понимания, которые воспроизводят доминирующие идеологические и институциональные формы, составляющие социальный порядок» (Giroux and Giroux, 2009: 3). Автоэтнография - хороший инструмент для распознавания этой субъективизации и ее трансформации, распутывания определенных связей и создания новых, подрывных сообществ, которые разделяют страхи и питают друг друга мечтами.

Конечно, то, что является большой силой автоэтнографии, также является и ее слабостью (Poulos, 2020). Иногда мы можем придавать слишком много силы словам и историям. Я и сам временами чувствовал себя подавленным во время автоэтнографического исследования университета; вместо радости, перемен, надежды я испытывал мрачную, темную депрессию перед лицом страданий (Szwabowski, 2020). Автоэтнография - это не совсем метод. Как утверждает Дензин, «автоэтнография НЕ является исследованием как таковым, это перформанс» (Denzin, 2018: 31, прим. 1). В тексте об опыте написания коллективной автоэтнографии мы заявили, что имеем дело с не с исследованием (Pławski et al., 2019). Автоэтнография - это не зеркало, это молоток (Denzin, 2018; Madison, 2010). Это не отражение мира как он есть, а критическое, педагогическое вмешательство в мир (Denzin, 2003); оно «определяется приверженностью политике сопротивления, приверженностью изменению, а не просто интерпретации мира» (Denzin, 2018: 52).

4. Неолиберальная реформа высшего образования началась при министре науки и высшего образования Барбаре Кудрицкой. Это была попытка квази-рыночного (Drapinska, 2012) высшего образования. Реформа была направлена на повышение конкурентоспособности и узнаваемости польских академических кругов на международной арене. Наряду с реформой, была широкомасштабная критика, касающаяся, прежде всего, логики рынка и количественной оценки достижений (Czerepaniak-Walczak, 2013; Groenwald, 2012 ; Kruszelnicki, 2011, 2012; Malec, 2011; S,liwerski, 2011). Эта критика, однако, часто носила реакционный характер и служила защите феодальных привилегий (Szwabowski, 2016, 2013, 2014,). Когда к власти пришла партия «Право и справедливость», Ярослав Говин стал министром науки и высшего образования и взялся за продолжение неолиберальных реформ. Предложения для нового закона были более или менее радикальными, но все они разделяли убеждение, что рынок играет спасительную роль, а академическая среда недемократична и иерархична (Izdebski et al., 2017; Kwiek et al., 2016; Radwan et al., 2017). Реформа Говина не только восхваляла конкуренцию, но и реформировала высшее образование в антидемократическом духе, направленном против сообществ (Szwabowski, 2019; Temkin, 2019). Польские академические журналы были ликвидированы или маргинализированы. Рыночный дух реформы был также приукрашен риторикой борьбы с коммунистическими пережитками в университете, с гендерными исследованиями, опасными для идентичности польских семей, и

протестами против исследований сексуальных меньшинств (Szwabowski, 2018).

5. «Закон и справедливость» - консервативная, правая партия. Борьба с неолиберализмом была одним из ее постулатов. Суровая реальность жизни в неолиберально организованном обществе, вероятно, также способствовала успеху партии «"Право и справедливость» (PiS) на выборах. Культурно-консервативная PiS выиграла парламентские выборы 2015 года благодаря ряду социальных обещаний (Mikulak, 2019: 553). Частью этой борьбы была разработка социальных программ, таких как «500 плюс». Это не означало отход от неолиберализма, а скорее коммерциализацию вопроса воспроизводства и установления гендерных моделей (Shields, 2019). PiS стремится к идеологическому захвату государства и его идеологических аппаратов. Государственные СМИ, культурные учреждения и учебные заведения должны нести ценности, одобренные PiS (ср. Cervinkova и Rudnicki, 2019, О начальном и среднем образовании в Польше). PiS защищает доброе имя нации (см. Hackmann, 2018) и борется с «педагогикой стыда» (Szkudlarek, 2018), а также с другими «аморальными», «разрушительными» педагогиками. PiS стала партией, пытающейся навязать авторитарное правление (Markowski, 2018). И она установит новую социальную иерархию, заменив коррумпированную элиту (Bill, 2020).

6. Бывший министр науки и высшего образования Барбара Кудрицкая в своем ответе на "Открытое письмо из могилы", написанное академиками: «За последние двадцать лет, когда государственная система была реформирована, введен свободный рынок, ликвидированы пережитки социализма в государственных компаниях, сокращены привилегии сталеваров и железнодорожников, ученые очень хорошо понимали необходимость таких изменений. И теперь они должны понять, что в академических исследованиях такие же изменения необходимы» (Kudrycka, 2013).

7. «Воображение серых академиков организованы двумя проблемами - недоверием к другим социальным субъектам и связанным с этим желанием быть подверженным только объективной оценке и деперсонализированной власти» (Stankiewicz, 2018: 276).

8. Англ. - Gaffers (по польски: lesne dziadki).

References

- Abriszewski K, Kola AF and Kowalewski J (Eds.). (2016) *Humanistyka (po,ł)peryferii (The Humanities of the (Semi)Periphery)*. Olsztyn: Instytut Historii i Stosunków Międzynarodowych Uniwersytetu Warmińskiego-Mazurskiego w Olsztynie.
- Apeldoorn van B and Graaff de N (2012) *Beyond Neoliberal Imperialism? The Crisis of American Empire* In: Overbeek H and Apeldoorn van B. (eds.) *Neoliberalism in Crisis*. New York: Palgrave Macmillan.
- Bill S (2020) Counter-elite populism and civil society in Poland: PiS's strategies of elite replacement. *East European Politics and Societies and Cultures*. Available at: <https://doi.org/10.1177/0888325420950800>
- Bochner AP (2017) Heart of the matter. A mini-manifesto for autoethnography. *International Review of Qualitative Research* 10(1): 67–80.
- Boyer E (2014) Zombies all! The Janus-faced zombie of the twenty-first century. *The Journal of Popular Culture* 47(6): 1139–1152.
- Boyle M and Parry K (2007) Telling the whole story: The case for organizational autoethnography. *Culture and Organization* 13(3): 185–190.
- Bobako M (2018) Semi-peripheral Islamophobias: the political diversity of anti-Muslim discourses in Poland. *Patterns of Prejudice* 52(5): 448–460. DOI: 10.1080/0031322X.2018.1490112
- Castillo RD, Schmid D, Reilly DA, et al. (eds) (2016) *Zombie Talk: Culture, History Politics*. New York: Palgrave Macmillan.
- Cap P (2018) 'We don't want any immigrants or terrorists here': The linguistic manufacturing of xenophobia in the post-2015 Poland. *Discourse & Society* 29(4): 380–398. Available at: <https://doi.org/10.1177/0957926518754416>
- Cervinkova H and Rudnicki P (2019) Neoliberalism, neo-conservatism, authoritarianism. The politics of public education in Poland. *Journal for Critical Education Policy Studies* 17(2): 1–23.
- Chutoran,ski M and Szwabowski O (2018) Parametryzacja, humanistyka i los mieszkańco, w Rapa Nui (Parametrization, the humanities and the fate of people from Rapa Nui). *Rocznik Lubuski* 44 (2): 145–163.
- Connell R (2007) *Southern Theory: The Global Dynamics of Knowledge in Social Science*. Cambridge: Polity Press.
- Connell R (2017) Southern theory and world universities. *Higher Education Research & Development* 36(1): 4–15.
- Czerepaniak-Walczak M (ed.) (2013) *Fabryka dyplomo, w czy universitas (Factory of diplomas or uni- versitas)*. Kraków: Impuls.
- Darabont F (2012) 'Beside the Dying Fire'. *The Walking Dead (TV series)*.
- Denzin NK (2003) The call to performance. *Symbolic Interaction* 26(1): 187–207.
- Denzin NK (2009) *Qualitative Inquiry under Fire: Toward a New Paradigm Dialogue*. Walnut Creek: Left Coast Press.

Denzin NK (2017a) Critical qualitative inquiry. *Qualitative Inquiry* 23(1): 8–16.

Denzin NK (2017b) A manifesto for performance autoethnography. *International Review of Qualitative Research* 10(1): 44–45.

Denzin NK (2018) *Performance Autoethnography: Critical Pedagogy and the Politics of Culture*. London, New York: Routledge.

Denzin NK (2019) Answering the call. *Qualitative Inquiry* 25(6): 529–530.

Dobrołowicz J (2013) *Obraz edukacji w polskim dyskursie prasowym (The Image of Education in the Polish Press Discourse)*. Kraków: Impuls.

Drapin, ska A (2012) *Zarządzanie relacjami na rynku usług edukacyjnych szkół wyższych (Managing Relationships in the Market of Educational Services of Universities)*. Warszawa: PWN.

Dunn E (2004) *Privatizing Poland: Baby Food, Big Business, and the Remaking of Labor*. Ithaca: Cornell University Press.

Dziennik.pl (2015) Gowin o reformie nauki i szkolnictwa wyższego: Likwidacja studiów, w gejowskich lub lesbijskich (Gowin on the reform of science and higher education: Liquidation of gay or lesbian studies). Available at: <https://wiadomosci.dziennik.pl/polityka/artykuly/505753,jaroslaw-gowin-o-reformie-nauki-i-szkolnictwa-wyzszego-likwidacja-studiow-gejowskich.html> (accessed 20 January 2020).

edusens.pl (n.d.) *Lesny dziadek (Gaffers)*. Available at: <http://www.edusens.pl/edusensownik/lesny-dziadek> (accessed 10 May 2020).

Ellis C (2004) *The Ethnographic I: A Methodological Novel about Autoethnography*. Walnut Creek: AltaMira Press.

Fromm E (1973) *The Anatomy of Human Destructiveness*. New York: Holt, Rinehart and Winston. Giroux HA (2011) *Zombie Politics and Culture in the Age of Casino Capitalism*. New York: Peter Lang. Giroux HA (2016) *Toward a politics of revolt and disruption: Higher education in dangerous times*. *The Radical Imagine-Nation* 1: 19–40.

Giroux HA (2018) *American Nightmare: Facing the Challenge of Fascism*. San Francisco: City Lights Books.

Giroux HA and Giroux Searls S (2009) Beyond bailouts: On the politics of education after neoliberalism. *Policy Futures in Education* 7(1): 1–4.

Godfrey R, Jack G and Jones C (2004) Sucking, bleeding, breaking: On the dialectics of vampirism, capital, and time. *Culture and Organization* 10(1): 25–36.

Groenwald M (2012) *Uniwersytet się zmienia. Widziane z perspektywy człowieka naiwnego (The university is changing. Seen from the perspective of a naive man)*. *Rocznik Pedagogiczny* 35: 145–155.

Grzebalska W and Peto A (2018) The gendered modus operandi of the illiberal transformation in

Hungary and Poland. *Women's Studies International Forum* 68(3): 164–172.

Hackmann J (2018) Defending the 'good name' of the Polish nation: Politics of history as a battlefield in Poland, 2015–18. *Journal of Genocide Research* 20(4): 587–606.

- Hardy J (2009) *Poland's New Capitalism*. London: Pluto Press.
- Harman C (2009) *Zombie Capitalism: Global Crisis and the Relevance of Marx*. London: Bookmarks Publications.
- Herrmann AF (2014) Ghosts, vampires, zombies, and us: The undead as autoethnographic bridges. *International Review of Qualitative Research* 7(3): 327–341.
- Inckle K (2010) Telling tales? Using ethnographic fictions to speak embodied 'truth'. *Qualitative Research* 10(1): 27–47.
- Izdebski H, Chmielnicki P, Ruszkowski P, et al. (2017) Propozycja załoz_en, do ustawy regulują,cej system szkolnictwa wyz_szego (Proposed assumptions for the act regulating the higher education system). Warsaw: Uniwersytet SWPS.
- Karolczuk E and Graff A (2018) Gender as 'Ebola from Brussels': The anticolonial frame and the rise of illiberal populism. *Signs: Journal of Women in Culture and Society* 43(4): 797–821.
- Kasia K (2018) Wkroczenie policji na konferencje naukową, o Marksie dowodzi, z_e Marks miał racje (The police entering an academic conference on Marx proves that Marx was right). *Newsweek*. Available at: <https://www.newsweek.pl/opinie/policja-na-konferencji-o-marskie-dowodzi-ze-marks-mial-racje/0ht67v5> (accessed 19 January 2020).
- Kruszelnicki M (2011) Uniwersytet jako wspo,lnota audytowanych (University as a community of audited people) In: Jaworska-Witkowska M and Witkowski L (eds) *Przeszkody dla rozwoju humanistyki w szkołach wyz_szych (z pedagogiką, w tle). W perspektywie troski o uniwersytet, kulturę humanistyczną i podręczniki* (Obstacles to the Development of the Humanities in Higher Education (with Pedagogy in the Background). From the Perspective of Care for the University, Humanistic Culture and Textbooks). *Kolokwia*, vol. II. Torun,: Adam Marszałek.
- Kruszelnicki M (2012) Uległ,s,c albo bezrobocie (Submission or unemployment). *Rocznik Pedagogiczny* 35: 157–164.
- Krzyz_anowska N and Krzyz_anowski M (2018) 'Crisis' and migration in Poland: Discursive shifts, anti-pluralism and the politicization of exclusion. *Sociology* 52(3): 612–618.
- Kubinowski D (2010) Naukowa Eksterminacja humanisto,w (The scientific extermination of the humanists) In: Jaworska-Witkowska M and Witkowski L (eds) *Pedagogika i zarzą,dzanie edukacją, I rozwojem. W perspektywie troski o uniwersytet i kulturę Rehumanistyczną* (Pedagogy and Management of Education and Development: In the Perspective of Caring for the University and Humanistic Culture). Torun,: Adam Marszałek.
- Kudrycka B (2013) Odpowied,z na list znad grobu (Reply to the letter from the grave). *Gazeta Wyborcza*, 3 January. Available at:

http://wyborcza.pl/1,75476,13133905,Odpowiedz_na_list_znad_grobu.html (accessed 19 January 2020).

Kuhling CL (2017) Zombie banks, zombie politics and the ‘Walking Zombie Movement’: Liminality and the post-crisis Irish imaginary. *European Journal of Cultural Studies* 20(4).

Kwiek M (2015) *Uniwersytet w dobie przemian. Instytucje i kadra akademicka w warunkach rosnącej konkurencji* (University in the Age of Change: Institutions and Academic Staff in the Conditions of Growing Competition). Warsaw: PWN.

Kwiek M (2017) A generational divide in the academic profession: A mixed quantitative and qualitative approach to the Polish case. *European Educational Research Journal* 16: 1–25.

Kwiek M, Antonowicz D, Brdulak J, et al. (2016) *Projekt założeń, do ustawy: Prawo o szkolnictwie wyższym* (Draft assumptions for the Act: Law on Higher Education). Poznań: UAM.

Lather P (2019) *Update: Post-neoliberalism. Qualitative Inquiry*. Epub ahead of print 3 October 2019. DOI: 10.1177/1077800419878749.

Leszczynski A (2019a) Gowin opublikował listę wydawnictw naukowych. Naukowcy śmieją i płaczą (Gowin has published a list of scientific publications. Scientists laugh and cry). OKO.press. Available at: <https://oko.press/gowin-liste-wydawnictw-naukowych-naukowcy-smieja-sie/> (accessed 20 May 2020).

Leszczynski A (2019b) PiS o nauce: ‘ma być kształtowana przez rację stanu’. Gowin: to oznacza pisanie o Żydach tak, jak chcemy (PiS about science: ‘is to be shaped by the raison d’état’.

Gowin: this means writing about Jews as we want). OKO.Press. Available at: <https://oko.press/pis-o-nauce-racje-stanu-gowin/?fbclid=IwAR2PvLpj6WmAgbMWIf94CDBuQW6UwryMnspkF6kb43N2fxIrHKQ89Y0F60> (accessed 20 May 2020).

Lockford L (2017a) Welcome to the neoliberal university. *Critical Studies Critical Methodologies* 17(4): 361–363.

Lockford L (2017b) Now is the time for autoethnography. *International Review of Qualitative Research* 10(1): 29–32.

Łon E (2019) *Uczelnie publiczne skałą polskiego patriotyzmu*. Radio Maryja (State universities are the rock of Polish patriotism. Radio Maryja). Available at: <https://www.radiomaryja.pl/informacje/prof-e-lon-uczelnie-publiczne-skala-polskiego-patriotyzmu/?fbclid=IwAR22L9HurC23sly2YbNqtImd06Edz8dkBcPaIzQsDU6EfGWK1cqSa7msrlg> (accessed 21 May 2020).

McNally D (2011) *Monster of the Market: Zombies, Vampires and Global Capitalism*. Boston: BRILL. Madison DS (2010) *Acts of Activism: Human Rights as Radical Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.

Malec E (2011): *Jak nie należy reformować szkolnictwa wyższego – krytyczny rozbiór ustawy Prawo o szkolnictwie wyższym, ustawa o stopniach*

naukowych i tytule naukowym oraz o stopniach i tytule w zakresie sztuki oraz o zmianie niektórych innych ustaw (How not to reform higher education: A critical analysis of the Law on Higher Education, the Act on Academic Degrees and Academic Title, and on Degrees and Titles in the Arts, and Amending Certain Other Acts). In: Kostkiewicz J, Domagała-Kręcioch A and Szymanowski MJ (eds) *Szkoła w drodze zmiany. Debata wokół ustawy z dnia 18 marca 2011 roku* (University in the Process of Change: A Debate on the Act of March 18, 2011). Impuls: Kraków.

Markowski R (2018) Creating authoritarian clientelism: Poland after 2015. *Hague Journal on the Rule of Law* 11: 111–132.

Medina LR (2014) *Centers and Peripheries in Knowledge Production*. London, New York: Routledge. Mendoza K-A (2015) *Austerity: The Demolition of the Welfare State and the Rise of the Zombie Economy*. Oxford: New Internationalist Publications Ltd.

Mikulak M (2019) Between the market and the hard place: Neoliberalization and the Polish LGBT movement. *Social Movement Studies* 18 (5): 550–565.

Murphy KM (2011) White zombie. *Contemporary French and Francophone Studies* 15(1): 47–55. Neocleous M (2003) The political economy of the dead: Marx's vampires. *History of Political Thought* XXIV(4): 668–684.

Onet.pl (2019a) Jarosław Gowin interweniuje ws. Zwolnienia wykładowcy za wykład o homoseksualizmie (Jarosław Gowin intervenes on the lecturer's dismissal for a lecture on homosexuality). Available at: https://wiadomosci.onet.pl/kraj/jaroslaw-gowin-interweniuje-ws-zwolnienia-wykladowcy-za-wyklad-o-homoseksualizmie/y2f4hzc?utm_source=wiadomosci.onet.pl_viasg_wiadomosci&utm_medium=referral&utm_campaign=leo_automatic&srcc=ucs&utm_v=2 (accessed 20 May 2020).

Onet.pl (2019b) O. Tadeusz Rydzyk: idą mi Redzyna i siły diabelskie (Father Tadeusz Rydzyk: International devilish forces are coming). Available at: https://wiadomosci.onet.pl/kraj/o-tadeusz-rydzyk-w-tygodniku-sieci-trzeba-nam-egzorcyzmow/lkq0ep4?utm_source=www.facebook.com_viasg_wiadomosci&utm_medium=social&utm_campaign=leo_automatic&srcc=ucs&utm_v=2 (accessed 20 May 2020).

Peck J (2010) Zombie neoliberalism and the ambidextrous state. *Theoretical Criminology* 14(1).

Pławski M, Szwabowski O, Szczepaniak C, et al. (2019) Friendly writing as non-inquiry: The problems of collective autoethnographic writing about collective autoethnographic writing. *Qualitative Inquiry* 25(9–10): 1002–1010.

Posłajko K (2012) *Uniwersytecka walka klas* (University class struggle). Nowe Peryferie. Available at: <https://noweperyferie.pl/index.php/2012/05/uniwersytecka-walka-klas/> (accessed 25 May 2020).

Poulos CN (2017) Autoethnography: A Manifesto. *International Review of Qualitative Research* 10(1): 33–38.

Poulos CN (2020) The perils and the promises of autoethnography: Raising our voices in troubled times. *Journal of Autoethnography* 1(2): 208–211.

Puchała D (2020) *TReczowa Matka Boska, Orzeł i Polak Walcząca* (Rainbow Mother of God, the Eagle and Fighting Poland). Warszawa: Książka i Prasa.

Radio Zet (2018) Rydzyk o polskich uczelniach: są przesią kni Rete 'lewactwem', gender. Chce zmian w finansowaniu (Rydzyk on Polish universities: they are steeped in 'leftism' and gender. He wants a change in financing). Available at: <https://wiadomosci.radiozet.pl/Polska/Rydzyk-o-polskich-uczelniach.-Chce-zmian-w-finansowaniu> (accessed 19 January 2020).

Radwan A, Dutkiewicz M, Erkol A, et al. (2017) *Plus ratio quam vis consuetudinis: Reforma nauki i akademii w Ustawie 2.0.* [Plus ratio quam vis consuetudinis: Reform of science and academia in the Ustawa 2.0]. Cracow: Oficyna Allerhanda.

Riach K and Kelly S (2015) The need of fresh blood: Understanding organizational age inequality through a vampiric lens. *Organization* 22(3): 287–305.

Rorty R (1999) *Achieving our country.* London: Harvard University Press.

Sahajdak S (2017) *POLSKA AKADEMICKA: Szczecin,skie studium przypadku.* Solidarno,s,c. Komisja Uczelniana NSZZ Solidarno,s,c Uniwersytetu Szczecin,skiego (ACADEMIC POLAND: Szczecin case study. Solidarity. University Commission of NSZZ Solidarno,s,c of the University of Szczecin). Available at: <http://wsolidarnosci.pl/polska-akademicka-szczecinskie-studium-przypadku/> (accessed 19 January 2020).

Sambrook S and Herrmann AF (2018) Organizational autoethnography: Possibilities, politics and pitfalls. *Journal of Organizational Ethnography* 7(3): 222–234.

Schaefer K and Engler C (2014) 'Philly Feast'. *Z Nation*, (TV series). Shaviro S (2002) Capitalist monster. *Historical Materialism* 10(4): 281–290.

Shields S (2019) The paradoxes of necessity: Fail forwards neoliberalism, social reproduction, recombinant populism and Poland's 500Plus policy. *Capital & Class* 43(4): 653–669.

Smith B (2013) Artificial persons and the academy: A story. In: Short NP, Turner L and Grant A (eds) *Contemporary British Autoethnography.* Rotterdam: Sense Publisher, 187–202.

Sowa J (2015) *Przedmowa. Inna akademia jest mozliwa* (Preface. Other academia is possible). In: Szadkowski K (ed.) *Uniwersytet jako dobro wspolne. Podstawy krytycznych badan, nad szkolnictwem wyzszym* (University as a Common Good: The Fundamentals of Critical Research in Higher Education). Warszawa: PWN.

Springer S (2018) No more room in Hell: Neoliberalism as living dead. In: Cahill D, Cooper M, Konings M, et al. (eds) *The SAGE Handbook of Neoliberalism.* London: SAGE Publications Ltd, 620–630.

Stankiewicz Ł (2018) *Wizje uniwersytetu w polskiej debacie publicznej 2007-2010 (Visions of the University in the Polish Public Debate 2007–2010)*. Kraków: Impuls.

Szkudlarek T (2018) *Pedagogika wstydu i bezwstydną polityką (Shame pedagogy and shameless politics)*. *Forum Oświatowe* 30(1): 37–52.

Szwabowski O (2013) *Krytyka ‘oficjalnej krytyki’ neoliberalnych reform w szkolnictwie wyższym [Critique of the „official critique” of neoliberal reforms in higher education]*. *Praktyka Teoretyczna* 1(7): 143–165

Szwabowski O (2014) *Uniwersytet, fabryka, maszyna. Uniwersytet w perspektywie radykalnej [University, factory, machine. University in a radical perspective]*. Warszawa: Książka i Prasa.

Szwabowski O (2016) *The grey faces of academic workers: On the non-emancipatory resistance of Polish humanists to the edu-factory reform of academia*. *Journal for Critical Education Policy Studies (JCEPS)* 14(1): 44–56.

Szwabowski O (2018) *Letters from my tribe*. *Cultural Studies & Critical Methodologies* 18(4): 283–287.

Szwabowski O (2019) *Nekrofilna produkcja akademicka i pieśni partyzantów (Necrophilic Academic Production and Partisan Songs)*. Wrocław: Instytut Pedagogiki Uniwersytetu Wrocławskiego.

Szwabowski O (2020) *It is too much: Too many stories to handle*. *Journal of Autoethnography* 1(2): 186–189.

Szwabowski O and Wieclaw M (2020) *The Covid-Shock Doctrine: Under the tutorship of CoV-2, the voice(s) From Poland*. *Cultural Studies Critical Methodologies*. Epub ahead of print 5 June 2020. DOI: 10.1177/1532708620931144.

Szymaniak M (2018) *Urobieni. Reportaż o pracy (Worn Out: Work Reports)*. Czarny: Wałowiec. Sliwerski B (2011) *Anomia akademickiej pedagogiki z jej własnym udziałem*, In: Jaworska-Witkowska M and Witkowski L (eds) *Przeszkody dla rozwoju humanistyki w szkołach wyższych (z pedagogiką w tle). W perspektywie troski o uniwersytet, kulturę humanistyczną i podręczniki (The anomaly of academic pedagogy with its own participation. In: Obstacles to the Development of the Humanities in Higher Education (with Pedagogy in the Background). From the Perspective of Care for the University, Humanistic Culture and Textbooks)*. *Kolokwia*, vol. II. Torun,: Adam Marszałek.

Solidarnosci W (2019) *Rozprawa sądowa w sprawie pracowniczej dr Bogny Baczynskiej (Court hearing in the employee case of Dr. Bogna Baczynska)*. Available at: <http://wsolidarnosci.pl/rozprawa-sadowa-w-sprawie-pracowniczej-dr-bogny-baczynskiej/> (accessed 12 May 2020).

Temkin A (2019) *Statuty w krainie folwarków – wrażenia z lektury (Statutes in the Land of Granges – Impressions from the Reading)*, *Polityka Akademicka*. Available at: <http://politykaakademicka.kkh.p.pl/ustawa-2-0/statuty-krainie-folwarkow-wrazenia-lektury/>

Vaneigem R (2001) *The Revolution of Everyday Life*. London: Rebel Press.

Wallerstein I (1974) *The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World Economy in the 16th Century*. New York: Academic Press.

Warren S, Starnawski M, Tsatsaroni A, et al. (2020) How does research performativity and selectivity impact on the non-core regions of Europe? The case for a new research agenda. *Higher Education*. Epub ahead of print 5 June 2020. DOI: 10.1007/s10734-020-00559-6.

Webb J and Byrnannd S (2008) Some kind of virus: The zombie as body and as trope. *Body and Society* 14(2): 83–98.

Wolenski J (2018) Policja na konferencji o Marksie? To są praktyki totalitarne (Police at the Marx conference? These are totalitarian practices). *Polityka*. Available at: <https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/kraj/1749016,1,policja-na-konferencji-o-marksie-to-sa-praktyki-totalitarne.read> (accessed 12 May 2020).

Wos R (2017) *To nie jest kraj dla pracowników* (This Is Not a Country for Employees). Warszawa: W.A.B.

Wprost.pl (2019) Patryk Jaki o procesie ‘wrogiej socjalizacji’. ‘Zmiana flagi biało-czerwonej na tęczową’ (Patryk Jaki on the process of ‘hostile socialization’. ‘Change of the white and red flag to the rainbow one’). Available at: <https://www.wprost.pl/kraj/10261421/patryk-jaki-o-procesie-wrogiej-socjalizacji-zamiana-flagi-bialo-czerwonej-na-teczowa.html> (accessed 10 May 2020).

Yoo J (2019) A year of writing ‘dangerously’: A narrative of hope. *New Writing* 16(3): 353–362. Z_ ulczyk J (2019) *Czarne słońce* (Black Sun). Warszawa: Świat Książki.